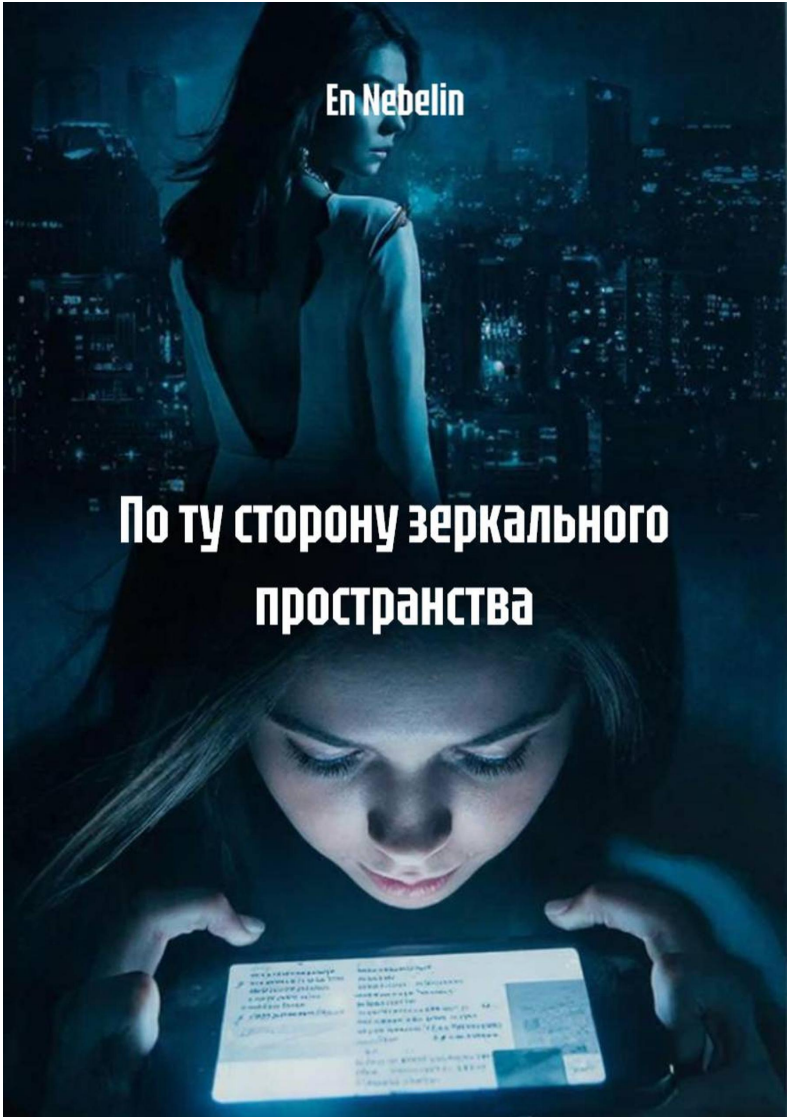

En Nebelin
По ту сторону зеркального пространства

En Nebelin

По ту сторону зеркального пространства

https://litres.ru/73384658
SelfPub; 2026

Аннотация

Алина, молодая и амбициозная девушка, решила начать карьеру на платформе OnlyFans, чтобы обеспечить себе финансовую независимость. Ее контент был популярен, и она быстро набирала поклонников. Однако, с каждым днем, Алина начала замечать странные события в своей жизни. Начались загадочные звонки в ночное время, анонимные сообщения с угрозами, и странные тени, следящие за ней. Пытаясь разгадать загадку происходящего, Алина начала исследовать свое прошлое и обнаружила, что ее родители скрывали от нее некоторые секреты. В поисках ответов, она обратилась к своим подписчикам на OnlyFans, которые оказались неожиданно полезными в раскрытии тайн, связанных с ее прошлым. Постепенно, Алина раскрывала загадку своей семейной истории, сталкиваясь с темными силами, стремящимися помешать ей. В процессе своего путешествия она обрела силу и решимость, чтобы противостоять этим силам и защитить свою семью и собственное будущее.

En Nebelin
По ту сторону зеркального пространства

Глава 1. Кадр

Пылинки танцевали в луче света, просочившемся сквозь щель между дешёвыми, полинявшими шторами. Этот луч, упрямый и назойливый, как совесть, разрезал комнату на два мира. Один – привычный, тёплый хаос её прежней жизни: стопка конспектов по маркетингу на табурете-красавчике с отколотой ножкой, потёртый плюшевый мишка на подоконнике, подарок отца на семилетие, шкаф, забитый джинсами и простыми футболками. Другой мир, куда Алина сейчас смотрела, был стерильным, холодным и ослепительно ярким. Миром, который она создала за последние три дня, потратив последние пять тысяч с подработки.

Три китайских софтбокса, купленных с кричащего красным ценником «Акция!», горели слепым, безжалостным белым светом. Они выжигали тени, превращали складки на простыне в абстрактные геометрические фигуры, а её кожу

– в идеально ровную, почти фарфоровую поверхность. Простыню она отпаривала час, пока на кухне шипел и плевался кипятком старенький утюг. Ровный белый фон. Ничего лишнего. Ничего настоящего. Ничего, что выдавало бы Алину Сергеевну Орлову, студентку третьего курса факультета рекламы, жительницу хрущёвки в Чертанове и дочь медсестры из Подольска.

Она стояла перед камерой на шатком штативе, вглядываясь в экран ноутбука. На нём была она. И не она. Девушка с экрана смотрела на Алину чужим, выверенным, пустым взглядом. Те же тёмно-каштановые волосы, уложенные не в привычный беспорядочный пучок, а в идеальные, гладкие волны, которые она научилась делать щипцами по ютуб-туториалу. Тот же прямой нос, те же высокие скулы, но теперь подчёркнутые слоем тонального крема «для полного покрытия» и мерцающим хайлайтером. Майка из секонд-хенда, но с лейблом модного бренда, который она пришила сама – аккуратно, мелкими стежками. Образ. Фантазия. Продукт.

«Финансовая независимость», – проговорила она вслух, и слова повисли в тихом воздухе комнаты, смешавшись с лёгким запахом перегоревшей пыли от софтбоксов. Это была не абстрактная мечта из мотивационного блога. Это была холодная, железобетонная арифметика. Стипендия в 5 250 рублей, которая уходила на оплату этой самой комнаты

в трёхэтажке. Молчание в телефонной трубке на прошлой неделе, когда она, сжав кулаки, попросила у мамы три тысячи на новые ботинки – старые развалились по швам.

– Алина, я же говорила, – голос матери звучал устало и безнадёжно. – Иди работать официанткой. Или в Макдональдс. Учёба учёбой, но надо же смотреть правде в глаза. На твоей рекламе далеко не уедешь.

И счёт за обучение. Последнее предупреждение из деканата, голубой листок, который она спрятала в самый дальний ящик стола. 47 000 рублей до конца семестра. Иначе – отчисление. Потеря общежития (которого у неё и так не было) и билет на автобус до Подольска, в детскую комнату с цветочными обоями.

OnlyFans был не прыжком в омут. Он был логичным, выстраданным бизнес-планом. Две недели она изучала форумы, смотрела интервью, строила графики в Excel. Рассчитала, что для начала ей нужно 300 долларов в месяц. Сумма, которая казалась одновременно смешной и недостижимой. Её тело, подтянутое годами бесплатных тренировок на школьном стадионе, было её единственным активом, свободным от залогов и кредитных историй. И теперь настало время первой инвестиции.

Она сделала глубокий вдох, чувствуя, как грудь сдавливает узкая майка. «Это работа, – мысленно повторила она за-

ученную мантру. – Ты не продаёшь себя. Ты продаёшь изображение. Иллюзию. Угол кадра. Историю, которую люди сами додумают».

Палец завис над кнопкой на пульте дистанционного спуска.

– Ну же, – прошептала она пустоте за объективом. – Просто сделай это.

Щелчок.

Первый кадр. Она выглядела скованной, как первокурсница на защите диплома. Глаза широко открыты, в них читался чистый, животный страх.

Щелчок.

Второй. Чуть лучше. Но губы были плотно сжаты, будто она боялась выпустить наружу что-то важное.

Десятый. Двадцатый. Она листала их на экране, и с каждым новым кадром сердце сжималось все болезненнее. Это была не та история, которую она хотела продать. Это была история её паники. На пиксельном изображении была не соблазнительная, уверенная в себе незнакомка, а Алина Орлова, которая отчаянно пытается сыграть роль, заведомо ей не подходящую. Роль Женщины-Мечты, в то время как она была всего лишь Девушкой-с-Проблемами.

Внезапно, из глубины сознания всплыло воспоминание.

Не голос матери, а нечто иное. Она стояла в школьном спортзале, лет десять назад, на соревнованиях по бегу. За секунду до выстрела стартового пистолета. Та же сухость во рту, тот же ком в горле, тот же взгляд на длинную, пугающую дорожку. И тогда тренер, сухонький старичок, крикнул ей всего два слова: «Не бойся пустоты!»

Она открыла глаза. Взгляд в камеру изменился. Исчезла паника. Растворился стыд. Осталась лишь холодная, отстранённая решимость. Это был взгляд не жертвы обстоятельств, а тактика, оценивающего поле предстоящего боя. Она медленно, почти с вызовом, провела ладонью по бедру, позволила ремню майки соскользнуть ещё на сантиметр. Не для кого-то. Для себя. Чтобы доказать себе, что может. Подбородок приподнялся. В уголках губ дрогнуло нечто, отдалённо напоминающее улыбку, но в ней не было ни капли тепла.

Щелчок.

Звук был тихим, но в напряжённой тишине комнаты он отозвался гулким эхом. Как хлопок двери, которая захлопнулась навсегда. Как щелчок предохранителя.

Алина подошла к ноутбуку, пролистала серию. Предпоследний кадр. На нём была ОНА. Та самая, что должна была принести деньги. В её позе читалась не вызывающая сексуальность, а скорее, презрительная власть. Взгляд говорил:

«Я здесь потому, что хочу. Ты смотришь потому, что я позволяю». Это и было товаром. Ощущение власти у зрителя, купленное через подчинение образу.

«Название, – засуетились мысли, переключаясь в рабочий режим. – Нужно название». Без «привет». Без «дорогие». Без фальшивой интимности. Что-то простое, как отчёт. Констатация факта.

Она набрала: «День первый. Эксперимент со светом».

Загрузила снимок. Установила цену – семь долларов. Стоимость латте и маффина в той кофейне у метро, куда она заглядывала иногда, чтобы почувствовать себя частью бурлящего, успешного города. Кто-то откажется от утреннего кофе ради её «эксперимента».

Палец, холодный и негнущийся, навис над тачпадом. Вся её прежняя жизнь, со всеми её «надо», «нельзя» и «что скажут люди», замерла в ожидании. Она увидела лицо отца, которое помнила лишь по фотографиям – он ушёл, когда ей было пять. Услышала смех своей бывшей одногруппницы Кати, которая сказала как-то: «Фу, OnlyFans – это же для отчаявшихся». Почувствовала шершавую ткань халата матери, в который та всегда куталась по вечерам.

– Ради свободы, – выдавила она из себя, и палец опустился.

Экран мигнул: «Публикация доступна для ваших подписчиков».

Подписчиков было ноль.

Точка невозврата была не точкой, а целой линией, которую она только что переступила. Обратного пути не существовало.

Она потянулась и выключила софтбоксы один за другим. Резкий, неестественный свет погас, и комната погрузилась в густые, бархатные сумерки. Полоска закатного солнца теперь мягко освещала пыль на старых учебниках и одинокую слезу, которую Алина не заметила, как скатилась по её щеке. Она села на пол, прислонившись спиной к краю кровати, и обхватила колени руками. Дрожь, которую она сдерживала всё это время, вырвалась наружу – мелкая, прерывистая, будто от холода.

Взяла телефон. Никаких уведомлений от платформы. Ещё рано. Мир не изменился. В мессенджере светилось непрочитанное сообщение от матери: «Алиночка, котлеты оставила в холодильнике, разогрей. Удачи на завтрашней паре». Она положила телефон экраном вниз.

Тишина стала давить на уши. Она посмотрела на тёмный прямоугольник экрана ноутбука. Где-то в недрах сервера в Неваде или Амстердаме теперь навечно поселилось её цифровое двойник. Существо из света и кода, созданное для одной цели – генерировать валюту. Девушка с идеальной кожей и пустым взглядом, продающая семь секунд чужого внимания за семь долларов.

Вопрос, который мучил её все эти недели, наконец, прояснился, обрёл чёткие, почти осязаемые границы. Он заключался не в том, правильно ли это с точки зрения морали её бабушки или общественного приличия. И даже не в том, сможет ли она. Вопрос был в цене. Сколько кусочков себя – той Алины, которая верила в любовь с первого взгляда, боялась выступать на семинарах и хранила плюшевого мишку, – придётся аккуратно отрезать и оставить здесь, в темноте этой комнаты, чтобы это новое, сияющее существо смогло выбраться к обещанной свободе?

Внизу хлопнула подъездная дверь, заскрипели шаги по лестнице. Кто-то смеялся. Жизнь, обычная, повседневная, шла своим чередом, не подозревая о маленькой революции, произошедшей в комнате на третьем этаже.

Алина встала, потянулась, костяшки хрустнули. Нужно

было сложить софтбоксы, убрать камеру, приготовить ужин из тех самых котлет. Завтра – ранняя пара по медиапланированию. Мир провернулся на своей оси, но его инерция была слишком велика, чтобы это заметить. И в этом, странным образом, была её единственная надежда и главный ужас. Она сделала шаг, и мир не рухнул. Он просто слегка поскрипел, как старый паркет.

Глава 2. Цифровой двойник

Первый платёж пришёл через три дня. Шесть долларов и семьдесят три цента. Уведомление от платежной системы всплыло на экране телефона, когда Алина стояла в очереди за латте в университетской столовой. Она вздрогнула, будто получила непристойное сообщение, и быстро сунула телефон в карман, краем глаза проверяя, не увидел ли кто. Никто не смотрел. Мир был поглощён своими булочками, разговорами и предстоящими парами.

Шесть долларов. Это было смешно. Ничтожно. Но в кассе она, запинаясь, сказала: «Латте… и маффин с шоколадом». И расплатилась картой, к которой была привязана новая платёжная система. Маффин оказался приторно-сладким, но она съела его до последней крошки, чувствуя странную смесь триумфа и падения.

Публикаций стало больше. Она выработала ритуал: лекции, библиотека, быстрый ужин, а потом – священнодействие в лучах софтбоксов. Она училась. Смотрела аналитику: какие позы, какие теги, какое время постинга вызывали больше переходов. Её «Эксперимент со светом» обрёл пять подписчиков. Потом десять. Кто-то с ником «Shadow_Watcher» оставил первый комментарий: «Интересный ракурс. Чувствуется потенциал». Комментарий поставил её в тупик. Это был не откровенный грязный флирт, а что-то более странное – оценка, как на рынке ценных бумаг.

Именно в ту ночь она впервые заметила Тень.

Алина возвращалась поздно из фотостудии, где подрабатывала ассистентом, моя фоны и раскладывая реквизит. Дорога лежала через старый, плохо освещённый двор-колодец между хрущёвками. Воздух звенел от ноябрьской сырости. Она ускорила шаг, ключи, зажатые между пальцами, впивались в ладонь.

И увидела. На стене дома напротив, в луче одинокого, разбитого фонаря, отчётливо легла и замерла тень. Высокая, искажённая, с неестественно вытянутой шеей и слишком тонкими, как спицы, руками. Тень не двигалась. Но Алина насторожилась – она стояла прямо под фонарём, её собственная тень должна была падать под ноги, а не на противопо-

ложную стену. Это была не её тень.

Она замерла. Тень на стоне тоже не шелохнулась. Это просто странная игра света и веток дерева, прошептал ей мозг. Кто-то выше случайно включил свет в комнате. Логично. Но сердце бешено колотилось. Алина резко обернулась. Двор был пуст. Она перевела взгляд обратно на стену. Тени не было. Лишь дрожащий свет фонаря на грязном кирпиче.

– Паранойя, – выдохнула она, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Переутомление. Стресс. Голова забита странными образами, вот они и вылезают наружу.

Но на следующий день странность повторилась. Дома, залив в ноутбук новую порцию снимков, она решила принять душ. Вытираясь перед зеркалом в крошечной ванной, запотевшем от пара, она сквозь пелену влаги увидела отражение. Своё. Но на секунду ей показалось, что в отражении кто-то стоит позади. Смутный, тёмный силуэт. Она резко обернулась. Никого. Ванная была пуста. Зеркало прояснялось, и в нём была только она, бледная, с широко раскрытыми глазами.

Она попыталась списать это на усталость. Но «странности» начали преследовать её с упорством назойливого алгоритма.

На паре по психологии рекламы лектор говорил о коллективном бессознательном и архетипах. Алина, делая вид, что конспектирует, на самом деле листала комментарии под своим последним постом. «Shadow_Watcher» снова был первым: «Сегодня свет на тебе иной. Более… глубокий». От комментария стало не по себе. Как он мог это знать? Она меняла фильтры, пробовала тёплую гамму. Но это же цифровая обработка. А он говорил о свете на ней.

Она закрыла ноутбук и подняла взгляд. На белой стене аудитории, прямо над головой лектора, чётко легла тень. Та же – вытянутая, с тонкими конечностями. Она сидела неподвижно, но контуры её словно слегка колебались, как пламя на ветру. Алина вжалась в кресло. Никто из соседей по ряду, уткнувшихся в ноутбуки и телефоны, ничего не замечал. Она медленно, как в замедленной съёмке, обернулась к окну. За окном был пасмурный день, никаких ярких источников света, которые могли бы отбросить такую чёткую тень.

Когда она снова посмотрела на стену, тень растаяла. Но в ушах зазвучал лёгкий, едва уловимый шелест, похожий на помехи в старых наушниках.

С этого момента страх перестал быть смутным. Он кристаллизовался, приобрёл вкус и запах – вкус медной монеты

во рту и запах озона, как после небольшой грозы.

Её онлайн-присутствие, тем временем, росло. Подписчиков стало тридцать. Потом пятьдесят. Деньги начали капать чаще, превращаясь из смешной суммы в ощутимый, пусть и небольшой, доход. Она купила себе хороший крем для лица, о котором давно мечтала, и новую клавиатуру. Каждая покупка была маленьким оправданием. Смотри, говорила она своему отражению в витрине, это работает. Оно того стоит.

Но цена, похоже, была иной, не только моральной.

Однажды ночью её разбудил звук. Тихий, но отчётливый – шелест затвора фотокамеры. Щелчок. Она замерла в постели, в полной темноте. В комнате никого не было. Но звук повторился. Щелчок. Щелчок. Он шёл со стороны стола, где стоял выключенный ноутбук с закрытой крышкой. Алина, дрожа, включила свет. На столе лежала её камера. Батарейный отсек был пуст. Она сама вынула батареи после съёмки.

Она стала замечать мелочи. Еда в холодильнике портилась быстрее обычного. Молоко скисало за день. На экране телефона иногда, на долю секунды, перед тем как заблокироваться, возникало не её стандартные обои с горным пейзажем, а что-то тёмное, смазанное, похожее на фотографию её же комнаты, сделанную из неверного, невозможного угла –

словно с потолка.

Апофеозом стал инцидент с фотографией.

Она готовила новый контент – тему «утро после». Небрежный макияж, просторная белая рубашка, солнечный свет из окна (натуральный, не софтбоксы). Получились хорошие, «атмосферные» кадры. Она отобрала лучший, немного обработала, собиралась загрузить. Отвлеклась на сообщение от матери. Когда вернулась к ноутбуку, открыв папку с исходником, она вгляделась и почувствовала, как волосы на затылке шевелятся.

На фотографии она стояла у окна, спиной к свету, лицо в мягкой тени. Всё как было. Но сейчас, приглядевшись, она увидела на стекле окна слабый, едва заметный отблеск. Отражение. И в этом отражении, в глубине комнаты на фото, за её спиной, у двери, стояла фигура. Высокая, тёмная, без лица. Тень.

Алина в ужасе удалила фотографию. Перезагрузила ноутбук. Сделала глубокий вдох. Это глюк. Пыль на матрице. Световой артефакт. Она сама, на нервной почве, дорисовывала ужасы.

Но её руки дрожали. Она не стала выкладывать эту се-

рию. Вместо этого запостила старый, безобидный кадр, сделанный ещё в первую неделю. Через минуту пришёл комментарий от «Shadow_Watcher»: «Почему спрятала ту, у окна? Она была… самой честной».

Лёд пробежал по позвоночнику. Она в панике заблокировала пользователя. Разрядила и выключила камеру. Спрятала её на верхнюю полку шкафа. Ночь провела под одеялом, при свете настольной лампы, слушая каждый шорох.

Утром, через силу собравшись на пару, она в лифте своего дома встретила соседку-старушку, бабу Лену. Та редко с кем разговаривала, но на этот раз пристально посмотрела на Алину своими мутными глазами.

– Деточка, – хрипло сказала она, – ты чего такого накликала? За тобой же ходит.

– Что? – Алина едва выдавила из себя.

– Тень, – прошепелявила старуха. – Чужая тень. Она кормится твоим светом. Будь осторожна.

Лифт открылся на первом этаже. Баба Лена вышла, не оглядываясь. Алина осталась стоять, прижавшись к стенке, не в силах пошевелиться. Рациональный ум кричал, что старуха просто сумасшедшая, что она что-то перепутала, что это совпадение.

Но слишком много совпадений собиралось в узор. Узор, который складывался в жуткую картину.

Её цифровой двойник, созданный из света и похочи, начал отбрасывать тень в реальный мир. И эта тень теперь следовала за Алиной по пятам, питаясь её вниманием, её страхом, её жизнью. Она продавала образ, а покупала что-то гораздо более древнее и тёмное. Независимость, которую она так жаждала, обретала зловещий, мистический оттенок. Чтобы стать свободной, ей, возможно, придётся иметь дело не только с осуждением общества, но и с сущностью, для которой стены между мирами – не преграда.

А вечером, проверяя почту, она увидела новое уведомление от платформы. Кто-то, анонимно, прислал ей «чаевые». 100 долларов. В поле для сообщения было пусто. Но в графе «от кого» система, по какой-то ошибке, вместо «аноним» вывела: «От Того, кто в тени».

Глава 3. Наследие

Популярность была липкой и душной, как воздух перед грозой. Заблокировав «Shadow_Watcher», Алина надеялась на передышку, но случилось обратное. Без этого странного наблюдателя её контент, словно лишённый сдерживающего центра, начал расползаться по сети с пугающей скоростью.

Её лицо, её образы, её выдуманная жизнь стали вирусными в узких, но страстных кругах. Подписчиков стало пятьсот. Потом тысяча. Деньги, которые раньше капали, потекли ручьём. Она смогла оплатить семестр вперёд. Купила дорогой объектив. Перестала считать каждую копейку в супермаркете.

Но вместе с деньгами пришло иное. Более плотное, материальное.

Первым был ночной звонок. Телефон загудел на тумбочке, разрывая сон. Незнакомый номер. Она сбросила. Через пять минут – снова. И снова. Включила беззвучный режим. Утром, просматривая историю вызовов, она насчитала сорок семь пропущенных. Все с разных, одноразовых номеров. Ни одного сообщения.

На следующий день пришла посылка. Маленький картонный кубик, без обратного адреса. Внутри, на белой вате, лежала кукла из чёрного воска, грубо слепленная, с тёмной бусинкой вместо глаза. И фотография. Распечатанный на дешёвом цветном принтере скриншот с её страницы. На нём кто-то красным маркером вывел: «ТЫ НЕ ОДНА».

Алина выбросила куклу в мусоропровод, фотографию порвала. Руки тряслись. Это был уже не мистический ужас, а

земной, человеческий. Кто-то знал её адрес.

Страница, несмотря на блокировку явно нездорового поклонника, продолжала притягивать внимание. Комментарии стали агрессивнее, требовательнее. «Покажи больше», «Ты должна», «Мы тебя кормим, ты наша». Она чувствовала себя животным в клетке, которого тыкают палками, требуя трюков.

И Тень не исчезла. Теперь она появлялась чаще. Не только как силуэт на стене, но и как кратковременное искажение в воздухе – будто пространство на миг сжималось, образуя тёмный сгусток. Однажды утром Алина нашла на кухонном столе отпечаток – длинные, тонкие пальцы, словно обугленные, отпечатались на пыльной поверхности. Рядом с отпечатком лежал её же собственный нож, которым она накануне резала хлеб.

Паранойя стала её постоянной спутницей. Она завела привычку проверять замки, заглядывать под кровать, закрывать шторы ещё до наступления темноты. Учёба пошла под откос. Она пропускала пары, не могла сосредоточиться. Единственной реальностью, которая имела значение, стал экран ноутбука – источник и денег, и кошмара.

В отчаянии, сидя в четыре утра перед монитором, Али-

на поняла: чтобы понять, что происходит сейчас, нужно вернуться назад. К истокам. К себе. Почему это происходит именно с ней? Простое совпадение? Или в её жизни уже была заложена мина замедленного действия, а платформа лишь нажала на спусковой крючок?

Она начала с малого. Позвонила матери. Голос у матери был усталый, но встревоженный.

– Алина, что случилось? Ты так давно не звонила.

– Мам, всё нормально. Просто… соскучилась. Слушай, а расскажи мне про нашу семью. Бабушку, дедушку. Про папу.

В трубке повисла тишина. Слишком долгая.

– Зачем тебе? – настороженно спросила мать.

– Так, интересно. Пишем генеалогическое древо в универе, – солгала Алина, удивляясь собственной изобретательности.

– По отцовской линии ничего не знаю. Он… он был сам по себе. Семью свою не афишировал. А по моей… обычные люди. Бабушка Марфа из деревни под Вологдой. Всю жизнь проработала в сельской библиотеке. Дедушка Иван – механик.

– А фотографии есть? Старые?

– Где-то на антресолях, наверное. Пылятся. Зачем они тебе? Лучше об учёбе думай.

Но Алина уже не думала об учёбе. Она думала о бабушке

Марфе из вологодской деревни, которая всю жизнь проработала в библиотеке. Что-то щёлкнуло в памяти. Слово «библиотекарь» почему-то вызвало ассоциацию не с книгами, а с чем-то другим, тёмным и забытым. Обрывок детского воспоминания: она, маленькая, у бабушки в деревне. Не дом, а изба, пахнущая сушёными травами и старой древесиной. И книга. Не библиотечная, а толстая, в кожаном переплёте, с металлическими застёжками. Бабушка быстро забрала её у неё из рук, сказав строго: «Это не для детских глазок».

На следующий день, получив очередной перевод в тысячу долларов, Алина купила билет на автобус до Вологды. А оттуда – на попутной машине в глухую деревушку, где прошло несколько лет её детства. Старый дом, теперь уже пустой и полуразрушенный, стоял на окраине. Соседи сказали, что после смерти бабушки Марфы лет десять назад сюда никто не приезжал.

Дверь поддалась после третьего удара плечом. Внутри пахло плесенью, мышами и забвением. Солнечный свет, пробиваясь сквозь забитые окна, выхватывал из мрака клочья паутины и груды хлама. Сердце Алины бешено колотилось. Она не знала, что ищет, но чувствовала – что-то здесь есть.

Она обыскала старый буфет, сундук с одеждой, даже печку. Ничего. Уже собиралась уходить, разочарованная, когда

её взгляд упал на половицу под кроватью. Она была чуть приподнята относительно других. Алина, превозмогая отвращение, полезла под паутину, отодвинула кровать. Доска действительно была неплотно пригнана. Под ней оказался небольшой тайник – жестяная коробка от печенья, проржавевшая по краям.

В коробке лежали три вещи. Пожелтевшая фотография её бабушки Марфы в молодости. На ней она была не в скромном платье библиотекаря, а в странном, тёмном одеянии, похожем на рясу, и держала в руках ту самую книгу в кожаном переплёте. На втором фото был молодой мужчина с пронзительным, знакомым взглядом – её отец. Он стоял на фоне леса, а позади него, между деревьями, виднелась та же высокая, тонкая тень, что теперь преследовала Алину. Третий предмет был маленьким, завёрнутым в чёрный шёлк. Развернув, она увидела зеркальце в старинной серебряной оправе. С обратной стороны была гравировка на непонятном языке, а в центре – символ, похожий на глаз со зрачком-щелью.

Алина смотрела на находки, и мир вокруг медленно переворачивался с ног на голову. Бабушка не была простой библиотекаршей. Отец… что с ним случилось на самом деле? Почему он ушёл? Мать всё это знала и скрывала.

Она взяла зеркальце в руки. Металл был ледяным. Не гля-

дя, она сунула его в карман вместе с фотографиями. В этот момент в избе стало темнеть, хотя на улице был ещё день. Воздух сгустился, зарядился статикой. Из угла комнаты, из самой глубокой тени, медленно выползла Тень. Она была уже не плоской проекцией на стене, а объёмной, плотной субстанцией. Её контуры дрожали, и внутри словно переливалась чёрная маслянистая жидкость. Она не нападала. Она просто стояла, обращая к Алине свою безликую пустоту. И из этой пустоты донёсся звук. Не голос, а его эхо, шелест на грани восприятия: «…наследие…».

Алина выскочила из избы, не помня себя от ужаса. Добежала до дороги и лишь там, задыхаясь, прислонилась к дереву. В кармане жгло холодом зеркальце. Она достала его. В тёмной поверхности, вместо своего отражения, она на секунду увидела лицо – не своё, а старое, измождённое, с глазами, полными скорби и знания. Бабушки Марфы? Отца? А потом отражение сменилось. Она увидела свою собственную квартиру, снятую сверху, как на той зловещей глючной фотографии. На своей кровати лежала её собственная, казалось бы, спящая фигура. И из груди этой фигуры вверх, к потолку, тянулся тонкий, паутинистый столб чёрного дыма.

Зеркало выпало из её рук и не разбилось, а будто поглотило удар о землю, покатившись в траву. Алина подобрала его, уже не глядя, и побежала к остановке.

Обратный путь в Москву был кошмаром наяву. Каждый шорох, каждый взгляд незнакомца казался угрозой. В голове крутились обрывки мыслей. Наследие. Какое наследие? Магия? Проклятие? И как это связано с тем, что она делает сейчас?

Вернувшись в квартиру поздно вечером, она обнаружила новое послание. На этот раз не цифровое. Под её дверь был просунут конверт из плотной, пожелтевшей бумаги. На нём – её имя, выведенное старомодным, каллиграфическим почерком чернилами. Внутри лежало письмо.

«Алина,

Если ты читаешь это, значит, ты нашла коробку и зеркало. И значит, Оно уже рядом. Прости, что мы с матерью скрывали. Мы хотели оградить тебя. Твой отец не просто ушёл. Он пытался откупиться от того, что нас преследует. Дал обет молчания, ушёл в отшельники, думал, что так защитит нас. Не защитил. Оно передаётся по женской линии. По крови. Бабушка Марфа знала об этом, умела договариваться, отводить. Она называла это Хранителем Теней – сущностью, которая питается отражениями человеческих душ, их тёмными двойниками. Она привязывается к тем, кто слишком много внимания уделяет своему образу, своей внешности, кто создаёт яркие, но пустые копии себя для других. В старину это

были актёры, куртизанки, фокусники… Теперь – ты.

Твоя страница – это не просто страница. Это алтарь. Каждый твой снимок – подношение. Каждый подписчик – свеча, привлекающая Его внимание. Деньги, которые ты получаешь, – это не плата от людей. Это знак, что сделка работает. Ты кормишь Его собой. И чем популярнее ты становишься, тем сильнее Он становится в нашем мире.

Зеркало – не защита. Это дверь. И ключ. Разбив его, ты можешь навсегда запереть проход. Но для этого нужно перестать быть источником. Потушить все огни. Стереть все отражения.

Или… можно научиться договариваться, как бабушка. Но цена будет другой.

Берегись теней. Они теперь не только следят. Они ждут.

Отец».

Письмо было не подписано, но почерк дрожал, как у очень старого или очень больного человека. Датировано оно было десять лет назад. В день, когда её отец официально пропал без вести.

Алина сидела на полу в прихожей, сжимая в руках лист бумаги. Всё складывалось в чудовищную, невероятную, но неопровержимую картину. Её стремление к независимости, её вызов обществу, её бизнес – всё это было лишь деталью в старой, как мир, игре с силами, о которых она не подозре-

вала. Она не была новатором. Она была наследницей. Наследницей тёмного договора, который теперь требовал своей оплаты.

За окном сгущалась ночь. На стене напротив, в свете уличного фонаря, отчётливо легла тень. Не одна. Их было несколько. Высоких, тонких, безликих. Они стояли неподвижно, обращённые к ней. Ждущие.

Выбор, который теперь стоял перед ней, был страшнее любого выбора между карьерой и моралью. Стереть себя из сети, уничтожить зеркало и надеяться, что это отпугнёт сущность? Или погрузиться в это наследие глубже, попытаться понять правила игры и, возможно, обратить их в свою пользу, обретя не только финансовую, но и иную, пугающую власть?

Она подняла глаза на ноутбук, мерцающий в темноте комнаты. На экране заставки горело уведомление: «+100 новых подписчиков за последний час».

Глава 4. Плоть и пиксели

Зеркало лежало на столе, завернутое в черный шелк, как обвинение. Письмо отца – спрятанное в коробку с фотографиями – жгло изнутри. Алина три дня не заходила на плат-

форму. Не делала новых снимков. Жила в состоянии паралича, перечитывая строчки о «Хранителе Теней» и алтаре из собственного имиджа. Но бездействие было хуже любой активности. Тени в углах комнаты сгущались, становились плотнее, почти осязаемыми. Однажды ночью она проснулась от ощущения, что по ее руке ползет что-то холодное и сухое, как пепел. Включила свет – ничего. Но на коже остались три тонкие, синеватые полоски, как от прикосновения веток.

Страх сменился отчаянием, а отчаяние – ледяной яростью. С ней играют. Ей диктуют правила. Сначала семья, теперь – нечто извне. Но у нее есть оружие, которого не было у ее отца или бабушки. У нее есть тысяча пар глаз. Тысяча умов, которые уже следят за каждым ее пикселем. Почему бы не направить это внимание в нужное русло?

Она не стала публиковать слезливых исповедей или просьб о помощи. Это бы разрушило образ, привлекло ненужных спасателей и троллей. Вместо этого она задумала перформанс. Расследование как контент.

Она тщательно подготовилась. Надела простую черную водолазку, убрала волосы в хвост, свела макияж к минимуму. Села перед камерой в своей обычной комнате, но на этот раз в кадре был не соблазнительный полумрак, а резкий свет настольной лампы, выхватывающий ее серьезное, уставшее

лицо и лежащие перед ней на столе три предмета: старое зеркальце в оправе, фотография бабушки Марфы в странной одежде и распечатка отрывка из письма отца (личные данные и самые страшные места были замазаны).

Она включила запись. Голос звучал ровно, чуть хрипловато от недосыпа, но без дрожи.

«Всем привет. Сегодня будет необычный контент. Не про красоту и не про фантазии. Сегодня – про правду. У меня в руках наследство. Не деньги и не драгоценности. Тайна. И я не знаю, как с ней быть. Может, среди вас есть те, кто понимает в старых вещах, в символах, в… семейных историях, от которых никуда не деться. Я покажу вам то, что имею. И если у кого-то будут мысли – я буду благодарна. Считайте это квестом. Где я – и главная героиня, и заложница».

Она медленно, давая возможность сфокусироваться, показала в камеру зеркальце с оборотной стороны, крупным планом демонстрируя гравировку и символ глаза-щели. Затем – фотографию. Потом зачитала отрывок из письма, опуская конкретику, но оставляя суть: «…сущность, питающаяся отражениями… привязывается к тем, кто создает яркие, но пустые копии себя…»

Пост она озаглавила: «Расследование: Тени моего дома». И установила цену в 50 долларов. Дорого. Это отсечет празд-

ных. И добавила: «Всем, кто даст дельный совет или информацию, – личное благодарственное видео и возврат стоимости поста».

Она нажала «Опубликовать» и откинулась на спинку стула, чувствуя, как ее сердце колотится где-то в горле. Это был безумный риск. Она выносила сор из семейной избы и мистический ужас на всеобщее обозрение. Но что-то внутри подсказывало, что только так, вскрыв нарыв, можно получить доступ к лекарству.

Реакция пришла быстрее, чем она ожидала. Через два часа постинг собрал больше комментариев, чем любая из ее откровенных фотосессий. Большинство, конечно, были пустыми или пошлыми: «Какая милая сказка, детка, лучше сними лифчик», «Ищешь приключений? Я тебе устрою». Но она продиралась сквозь этот шум, как через колючий кустарник.

И нашла.

Первым был пользователь с ником @CodexCustodian (Хранитель Кодекса). Его сообщение было лаконичным: «Символ на зеркале – не просто глаз. Это «Око Ахама», знак архаичного культа «Сумрачных Зеркал», упоминавшегося в герметических трактатах XVII века. Культ считал, что у каждого человека есть двойник в мире теней, и через пра-

вильные отражения им можно манипулировать. Зеркало – не дверь. Это инструмент настройки. Пришли крупнее фото гравировки по периметру».

Алина, взволнованно дрожащими руками, сделала макроснимки и отправила ему в личные сообщения. Через полчаса он ответил: «Текст на старогерманском диалекте. Примерный перевод: «Видишь лишь оболочку, истина в обратном. Кровь взывает, тень отвечает». Это не заклинание. Это… инструкция по связям. Твоя кровь (наследственность) – канал. Твои отражения (контент) – сигнал».

Второй прорыв случился от @PhotoForensicBot, который, судя по всему, был не человеком, а ботом или очень помешанным на деталях энтузиастом. Он проанализировал фотографию бабушки Марфы и указал на едва заметные детали: «Одеяние не религиозное. Скорее, академическое или оккультное. На заднем плане, на полке размыто, но виден корешок книги. Увеличил, применил фильтры. Название: «Трактат об оптических иллюзиях и психических проекциях», автор – доктор И.Ф. Варфоломеев, 1898 г. Книга редкая. Была в библиотеках нескольких закрытых обществ в Петербурге и Москве. Ваша бабушка, судя по всему, имела доступ».

Но самый ошеломительный ответ пришел от анонима, сбросившего ей в личку сканы. Настоящие, пожелтевшие от

времени архивные документы. Сопроводительное сообщение гласило: «Моя прабабушка была в том же кружке, что и Марфа Орлова в 50-х. Они не были ведьмами. Они были исследователями. Изучали феномен «эктоплазменных двойников» – материализации психической энергии через фотографию и кино. Их группу КГБ разогнал в 1959-м. Обвинили в шарлатанстве и антисоветской деятельности. Но ходят слухи, что не все материалы изъяли. Кто-то продолжил работу в частном порядке. Ваш отец, Игорь Орлов, запрашивал эти архивы в 90-х. После его визита часть документов исчезла. Он что-то искал. И, кажется, нашел не то».

На сканах были протоколы опытов: люди сидели перед фотокамерами в темной комнате, а на проявленных позже снимках за их спинами обнаруживались посторонние силуэты – «фантомные сгустки». В заключении какого-то эксперта кривым почерком было выведено: «…не исключается парапсихологический фактор воздействия на фотоэмульсию. Требует дальнейшего изучения в спецлабораториях». И подпись: «Консультант – М. Орлова».

У Алины перехватило дыхание. Бабушка не была простой сельской библиотекаршей. Она была консультантом по паранормальным явлениям в советское время. Отец не просто сбежал – он пытался продолжить ее работу, понять природу того, что их преследовало. И, видимо, понял слишком мно-

го, решив спасти семью ценой собственного исчезновения.

Третий тип информации был самым пугающим – личным. Пользовательница @SestraPoKrovi (Сестра по Крови) написала: «Алина, я видела Тень. Не на фото. В жизни. У меня та же история. Только моя платформа – TikTok. Когда я набрала миллион подписчиков, ко мне начал приходить… мой двойник. Сначала во сне. Потом в отражениях. Он повторял мои движения с задержкой в секунду. А теперь я иногда слышу его мысли. Он говорит: «Мы – громче. Мы – сильнее. Скоро не понадобишься и ты». Дай знать, если найдешь способ договориться. Или защититься».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.